

րեց ինքը՝ աշխարհը համայն»։ Բուխենվալդների, Օսվենցիմների, Մայդանեկների և Դախաուների սկիզբը դրվեց Դեր Չորում, «Ձիարեթներում, Էնկյուրիկներում, Ռաքքայում, Բարում...»։ Ամբողջ աշխարհն ավելի ահասարսուռ իրադարձություններ ապրեց, հանցապարտի փոխարեն... «կրտսերը դատվեց ու դեռ կդատվի»։ Պ.Սևակը խորացնում է ժամանակի դիրքերից պատմական անցյալի իմաստավորման գիծը։ Բանաստեղծը կարծես մարգարեաբար գուշակում է այսօրվա օրը։ Իրադարձությունները կրկնվում են՝ ծավալվելով լայնածավալ երկրի ամենատարբեր անկյուններում։ Նորից շարունակվում է հին պատմությունը, և դեռևս հայտնի չէ, թե Սումգայիթից սկիզբ առած Ֆերգանայի, Նոր Ուզենի, Բաքվի, Կիրովաբադի, Դուշանբեի դեպքերը ի՞նչ ուղղությամբ են շարունակելու զարգանալ։

Ամենուրեք նույն ձեռագիրն է, որովհետև նույն են հանցագործ ձեռքերը՝ «Դուք ստուգեցեք նրանց ձեռքերը և... Հիմա նույնիսկ, կես հազարամյակ անցնելուց հետո, նրանց խնամված եղունգների տակ դարձյալ կտեսնեք... լեղացած արյուն...», և նույն մտածելակերպը՝ «Արդարանալու մի հմար ճարեք և... գորգ գողացեք մեջիցից թեկուզ»։

Պոեմում առանձնակի դեր է կատարում Հիշողությունը՝ որպես որոշակի գաղափարների ու տրամադրությունների խորհրդանիշ։

...Ամենագործը բանը աշխարհում հիշողությունն է,
Որ եթե նույնիսկ և ծակոտկեն է,
Ապա ոչ երբեք տալիս է մահ,
Այլ այն վանդակի, այն ամուր ցանցի,
Որի մեջ ցմահ դատապարտվածն է ստիպված ապրում (IV, 313):

Հազարամյա մեր հուշերն ապրում են մեր մեջ, բորբոքում են մեր արյան եռքը, «մեր մկանների խառնիժի տը ու մեր ջղերի լարման ճաթումը», շարունակվում են «մեզանից ծնված մանուկների մեջ», դառնում են կենսագործություն։ Մեր հայրենիքը մենք չենք կորցրել, այն ընդամենը... հափշտակվել է։

Մեր մեջ «մնում է դարձյալ հրաշքի անմեռ ակնկալիքը», մեր միլիոնավոր մահատակները՝ «զրկված և շիրմից, և շիրմաբարից, միշտ էլ ելել են ու ելնում են դուրս՝ քառապատկելով շարքերն ապրողաց»։

1915 թվականի եղեռնից հետո ժողովուրդը, թվում է, հասել է իր երազանքների հանգրվանին՝ շեն ու նորոգ հայրենիք է ստեղծել, իր «ապահովությունը երաշխավորել է եղբայրական դաշինքով»։ Բայց իրողությունը բոլորովին այլ է, և բանաստեղծը հնչեցնում է տագնապի նոր ահագանգ՝ «Այս ջարդասպանը երեկ չսկսվեց և ոչ էլ վաղն է ավարտվելու, Ուստի վախեցեք սպանողից ճերմակ և Ավելի, քան թե եղեռնից կարմիր»։

Պ.Սևակը արթնացնում է ժողովրդի կարծես թե արդեն միրող հիշողությունը և «գողթան երգերի չափով այլազան, բամբ բամբիռների հնչումով պես-պես, ամենատարբեր ելևէջումով շարականների» հնչեցնում է Մասիսների «եռաձայնող զանգի ասմունքը՝ Ողբա՛մ մեռելոց, Բեկանե՛մ շանթեր, Կռչե՛մ ապրողաց»։

Պ.Սևակն իր հայրենասիրական բանաստեղծություններում ու պոեմներում փառաբանում ու գովերգում է ժողովրդի ստեղծագործ ոգին, ապրելու անհազ ծարավն ու կամքը։ Շարունակելով հայ դասական գրականության, հատկապես Ե.Չարենցի պոեզիայի հայրենասիրական ավանդույթները և դրանք հարստացնելով նորագույն գրականության փորձով, Պ.Սևակը հայ բանաստեղծությունը ներգրավեց ավելի լայնահուն ընթացքի մեջ, տարավ նոր հունով։

"В ПЕСНЯХ С ИЗМУЧЕННЫМ БРАТОМ СТРАДАЛ" (Об отзвуке Надсона в армянской поэзии)

Татевосян Р. В.

Литературное влияние предполагает сходство ситуаций в литературе влияющей и литературе воспринимающей. Александр Веселовский называл это "встречными течени-ями". Восприятие инонационального писателя обуславливается прежде всего внутренни-ми потребностями воспринимающей культуры.

Изучение романтизма в армянской классической литературе необходимо вызывало и обращение к резонансу в этот период романтических произведений Пушкина, поэзии Лермонтова. Первоначально внимание фиксировалось на вездущих писателях, рассматри-вались отзвуки русской романтической поэзии в творчестве Туманяна, Исаакяна, Терья-на. В этом случае в первую очередь вставал вопрос о типологических сходжениях. Опыт сравнительного изучения литератур давню обнаружил важность рассмотрения творче-ства "второстепенных писателей", у которых более непосредственно и прямолинейно проявляются характерные черты общих тенденций развития литературы, общепри-знанные на данном этапе литературные нормы, благодаря чему эти писатели иногда пользуются большей популярностью у современников. Эта мысль равно относится и к восприимчивым, и к воздействующим писателям. Исследование воздействия русской романтической традиции требует расширения не только включением в ее сферу армян-ских поэтов "второй шеренги" /Л.Манвелян, Туманэ, Чарэг и др./, но и обращением к по-эзии Надсона, Фруга Плещеева. Лишь в этом случае представление об историко-литера-турном процессе и о типологических сходжениях становится полным и емким.

Резонанс поэзии Надсона был довольно значительным, что подтверждает важность романтической традиции для армянской классической литературы, в которой в 70-80-е годы главенствующим оставался романтизм. Этим объясняется, в частности, и преоб-ладающее в этот период, по сравнению с пушкинским, значение "лермонтовского элемен-та". Но не раз отзвук лермонтовских мотивов и образов происходил и через Надсона. Воздействие Надсона выразилось в большей мере в творчестве второстепенных поэтов, но, как бы отражая размах интереса, отозвалось и в поэзии Туманяна, Исаакяна.

В 80-90-е годы XIX века особой популярностью в русском обществе пользовалось твор-чество С.Я. Надсона (1862-1887), поэта корбткой и трагической судьбы. Первый его сбор-ник "Стихотворения", опубликованный в 1885 году, через год был дважды переиздан. Надсон вошел в литературу, когда в ней довольно активно была представлена школа "чистого искусства" - Фет, Апухтин, Случевский, Фофанов и др. В этих условиях поэзия Надсона и его трагическая судьба приобретали символическое значение. Его стихи об увядании "в цвете лет", о тяжелом недуге - это не только "о себе", но и "о времени". И потому они получили широкий резонанс у современников. Короленко писал: "Я уверен, что большая часть стихотворений Надсона, будучи напечатано каждое отдельно и пог-другим именем, не произвели бы того обаяния, какое эти стихотворения производили в действительности на читателей покойного поэта. И это совершенно понятно. В не-скольких выдающихся стихах Надсон заинтересовал читателя особенностями своей по-этической личности. Читатель его узнал, в его индивидуальности, и полюбил, полюбил известное лицо". Как пишет исследователь творчества Надсона Г.Бялый, "живую плоть" поэзии Надсон составил образ "лишнего человека" семидесятых-восьмидесятых годов, вырисовавшийся в его стихотворениях".

Поэзия Надсона - поэзия романтическая. В ней отразилась мечта о другом мире, ко-торый утвердится на месте существующего, когда наступит "праздник возрождения". Сила мечты, поэтического видения приподнимает над существующим миром, над тол-пой, над жизнью-темницей:

Но, нищий радостью, я был богат мечтами:

С младенчества, в часы медлительных ночей,
Сверкая надо мной бесшумными крылами
Они являлись мне и сыпали цветами
На ложе глум моих, томленья и скорбей.

Мечты даруют минуты забвения человеку, ощущающему себя узником:

Испытывал ли ты, что значит задохнуться?
И видеть над собой не глубину небес,
А звонкий свод тюрьмы, - и плакать, и метаться,
И рваться на простор - в поля, в тенистый лес?

Тюрьмой кажется весь мир, "огромный мир, раскинутый крутом". Лирический герой мечтает о времени, когда не будет "ни слез, ни вражды, ни бескrestных могил, ни рабов, ни нужды". Та же лирическая ситуация обрисовывается в стихотворении "Мгновение". Люди заточены в темницу, но они не желают видеть ее - "Мы спутнем это царство огнями". Однако всегда неизбежен, и поэтому особенно тяжел, миг отрезвления: "Опомнитесь, братья!" И Нагсон мог переживать лишь "мгновения" роскошной красоты. Он был сыном своего времени - "сын раздумья, тревог и сомнений".

В стихотворении "В ответ" этот недуг объясняется положением родины:

Ночь жизни, как тебя, и нас собой гнетет,
Недугом роковым, как ты, и мы страдаем!..

Романтическая поэзия Нагсона была созвучна армянской литературе последних десятилетий XIX века. Л. Манвелян в письме к Ю. Веселовскому говорит о популярности Нагсона среди студентства в 80-е годы и дальше о себе: "Нагсон нравился мне своим идеализмом, ибо соответствовал моему настроению. Мое стихотворение "Мираж" (во втором сборнике), я гдумаю, навеяно поэзией Нагсона".

Это стихотворение, действительно, очень родственно не только Л. Манвеляну, но и армянской поэзии того времени вообще. Оно передает ощущение кратковременности, "мгновенности" погружения в мир мечты, призрачный как мираж. Скрывается солнце, и вместе с ним исчезает весь этот роскошный мир:

Увы, погас мираж красоты,
Тот огненный, роскошный, счастливый тот мир.
Այլի, հաճախ գեղեցկութիւնն իրիւմը,
Այն հրրդեհն, ծիփ, երջանիկ այն աշխարհը:

Этот мотив - один из основных у Нагсона. В стихотворении "Облака" золотые тучки на заре цепляются за седые кресты, и вырастает целый чудный город с башнями, дворцами, садами. И над всей этой картиной - южный небосклон. Но один порыв ветра может разметать все по горам:

Милый друг, не верь сияющим обманам!
Этот город - призрак: он тебе солжет,
Он тебя пронизет ветром и туманом,
Он тебя холодным мраком обовьет.

Так рождается призыв спуститься с небес, обратиться к земле, призыв к вере и состраданию:

Нет, трудись с землею и страдай с землею
Общим тяжким горем братьев и людей.

Призыв к состраданию был одним из наиболее популярных мотивов поэзии Нагсона.

Он много писал о роли поэзии в жизни общества. В тяжелые годы поэт-гражданин должен понять людей, их "суровую борьбу и суровый труд" и обогреть их:

Эта песня его и томила и жгла,
И вперед, все вперед неустанно звала...

Многие стихотворения Нагсона обращены к брату, другу, страдающему, как и он, связанному с ним общей долей и общей верой в "грядущую грозу":

Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат,
Кто б ты ни был, не падай душой.
Пусть неправда и зло полновластно царят
Над омытой слезами землей,
Пусть разбит и поруган святой идеал
И струится невинная кровь,-
Верь: настанет пора - и погибнет Ваал,
И вернется на землю любовь!

Долг поэта в жертвенности, в том, чтоб идти на зов страдания, всей силой любви, всей страстью отзываясь "на каждый братьев зов, на каждый стон больной".

Мотивы поэзии Нагсона сочувны армянской романтической литературе. Скорбные, трагические стихотворения армянских поэтов отражают положение родной земли, родного народа, перед которым стоял не просто вопрос о выборе исторического пути, но и сама возможность какого-либо выбора могла оказаться отмененной. "Мое горе принесено из родной страны", - утверждал Туманян. Примечательно, что в одной из своих статей Ю. Веселовский, отмечая эту особенность армянской поэзии XIX века, наиболее походящим эпиграфом к ней считает строки Нагсона, обращенные к родному краю:

Мы только голос твой, и если ты больна,-
И наша песнь больна! В ней - вопль твоих страданий,
Виденья твоего болезненного сна,
Кровь тяжких ран твоих, тоска твоих желаний!

Увлечение поэзией Нагсона, имевшее свою историческую и литературную почву, было несомненным. "Эпоха нагсоновской скорби, - говорит Лео, - сейчас же опоздалась в армянской поэзии, приняла форму страстного, даже непонятного увлечения". Ю. Веселовский, имея в виду именно размах этого увлечения, преувеличивал, однако, его значение. Так, он пишет: "Можно было бы сказать заранее, что русское влияние в их творчестве (нового поколения армянских писателей, заявивших о себе в 80-90-е годы - Р.Т.) не подложит сомнению, так как у многих представителей этой плеяды мы найдем отголоски поэзии Нагсона, Плещеева, Фрута, Минского и др., в иных случаях - Пушкина и Лермонтова". В этой цитате знаменательна сама последовательность перечисления русских писателей. Если бы речь шла о второстепенных армянских поэтах, то у них влияние Нагсона и очевиднее, и прямолинейнее, хотя, тем не менее, воздействие Лермонтова было ощутимее. Ведь и сам Нагсон во многом "продолжал", подчас перепевал лермонтовские мотивы. Не очень заботясь о форме своих стихотворений, часто пользовался готовыми поэтическими формулами, шаблонными эпитетами. Однако Веселовский делает свой вывод, имея в виду Туманяна, Иоаннисиана, крупных представителей армянской поэзии, у которых влияние это было недолгим и неглубоким, тем более по сравнению с воздействием творчества Пушкина и Лермонтова.

Сами армянские писатели в ответе на анкету Ю. Веселовского уточняли этот вопрос. Цатурян, например, лишь после того, как отмечает влияние Пушкина и Лермонтова, пишет: "Отразилось на мне также влияние Плещеева и Нагсона, в особенности первого". Уточнял границы воздействия поэзии Нагсона Л. Манвелян: "В 80-х годах Нагсон был любимым поэтом студентства". И сходное признание есть у Иоаннисиана, Нагсо-

на "я очень любил, будучи студентом". Свои переводы из Нагсона ("Поэту" и "Друг мой, брат мой...") Иоаннисиан считал довольно удачными. Стихотворение "Друг мой, брат мой..." имело большой отклик и в русской, и в армянской поэзии того времени. Созвучными были сострадание к усталым и страдающим людям и вера в то, что "вернется на землю Любовь". Веселовский справедливо отмечает воздействие этого стихотворения на стихотворение Цатуряна "Неужели, мой друг?":

Мужайся, мой родной, желанное будущее еще

Требуешь обильной крови, многих жертв.

Страдай - веселый друг несчастного

Ищет свой венец в страдании ...

Արիացիք, իմ մտերիւմ, դեռ ասացան ճանկալի

Անտառ արյուն, շատ գոհեր է պահանջում,

Տանգիր-նրախ բարեկամը թշվառի

Տանգիրում է յուր պրիակը որոնում:

Немало родственного поэзии Нагсона есть у Леренца. Отозвался и этот мотив:

Пусть мир для нас - мрачная тюрьма,

Условия жизни - оковы,

Ничего, у нас есть возвышенные мечты,

Они дадут нам орлиные крылья.

Друг мой, друг, дай свою руку,

На нашей узкой и трудной тропе жизни

Мы не споткнемся, когда мы вместе.

Թող աշխարհն լինի մութ բանտ մեզ համար,

Շղթա լինեն մեզ կյանքի պայմաններն.

Այնչ, մենք ունենք վսեմ երազներ-

Նրբանք մեզ կը տան բերք արժի.

Ընկեր իմ, ընկեր, տուր ինձ քո ձեռքը -

Սեր կյանքի շավառում մեղ ու դժվարին

Բնավ չենք սալալի, երբ ենք միասին":

В том же журнале "Мурч" напечатано стихотворение Аршака Атаяна "Призыв", эпиграфом к которому взяты первые две строки стихотворения Нагсона "Друг мой, брат мой ...":

Друг мой, хотя я не знаю тебя,

Но кто бы ты ни был,

Пусть звучит мое слово в глубине души,

Как горячая молитва.

Ընկեր իմ բեկ բեզ չեմ ճանաչում,

Բայց ով էլ լինես,

Թող խորքի հեղք քո հոգու խորքում

Ջերմ աղբյուրի պես:

Стихотворение развивается с нагсоновскими акцентами, но в нем сильнее звучит призыв, что и подчеркнуто названием:

Бесстрашно возвысь над своими горестями,

Разрушь их,-

А если не можешь, держи их хотя бы сокрытыми

В груди своей.

Վշտերիդ վրան անվախ բարձրացիր,

Դարձրու փրկանակ,-

Երե չես կարող. գեթ գաղտնի պահիր

Նրբանց կրճրիդ տակ":

В стихотворении того же автора "Брат"¹² выделена тема судьбы, которая играет людьми, как ничтожным листком. И опять звучит обращение к другу, брату:

Иди, брат, свои последние силы

Я сохранил для тебя.

Мы должны идти, у нас есть путь,

Пока не наступила ночь.

Արի, եղբայր, վերջին ոճր

Քեզ համար եմ խնայել.

Ճամբայ ունենք, գնանք պետք է,

Քանի գիշեր չէ եկել:

Вот строки из стихотворения Арама Чарэга "Другу":

С нами, где бы мы ни были,

То неуязвимое сознание,

Что мы умерли за друга ...

За друга, чью слезу хотели утереть

И разрубить твердую цепь жизни.

Միայն մեզ հետ է, ուր որ էլ լինենք

Այն անխոցելի գիտակցությունը,

Որ մենք մեռել ենք ընկերի համար...

Մի ընկեր, որի արցունքը սրբել

Կենանքի կուռ շղթան ճանկացանք փշրել":

Созвучное развитие этого мотива обнаруживается и в поэзии журнала "Лума". Так, в стихотворении Туманэ "Не плачь, моих друг ..."¹⁴, несмотря на слезы и боль настоящего, сегодняшних дней, прорывается надежда и вера в будущее:

Но ты не плачь, опирайся на яркую надежду,

Наступит время, улыбнется мир,

Как освободившаяся от грозной тучи луна,

И прольются слезы из сгоревшего сердца.

Բայց, ո՛հ, դու մի լար, հենվիր վառ հույսին,

Կգա ժամանակ, կժպտա աշխարհ

Ինչպես գոռ անպից ազատված լուսին.

Եվ վառված արևից կբախվի արցունք:

В открывающем 1903 год номере "Лумы" было опубликовано стихотворение Аршака Кайцуни:

Кровавая Голгофа, как маяк, предо мной.

Я душой с тобой, мой несчастный брат,

Твои стенания в моем сердце,

Меня не страшат ночь и тьма.

Արևու Գողգոթան փարու իմ դիմաց,

Քեզ հետ եմ հոգով, իմ թշվառ եղբայր,

Քո հաղապարհները արտունի պահած,

Ինձ չէ սարսփում գիշերն ու խավար:

Когда Аполлон вручил поэту лиру, то сразу же перед его глазами встал образ страда-

ющего брата, которого надо поддержать и ободрить.

Стихотворение Ханларяна начинается созвучным Нагсону обращением к другу:

Не плачь, мой друг, что уже давно
Зашло на отдых мое солнце.
Не плачь, что властвует над всем миром
Мрачная ночь с бессмертной тьмой.
Մի՛ լար, իմ ընկեր, որ վաղուց արդեն
Մտնի արևը իմ հանգստարանի.
Մի՛ լար, որ տիրեց աշխարհին համորեն
Մտնի գիշերը, մթնի անվախճանի՝:

Несмотря на мрак, ночь, рождается призыв к вере - верь идеалу и иди избранным путем:

Не отчаивайся: лелей надежду
В своем возвышенном сердце, пройдет черная ночь,
Лети к звезде ... пройди путь ...
Несомненно после увидишь ты дни ...
Մի՛ հուսահատվիր. հոյսդ վայելալիր
Զո վե՞նք արտու՞մ, կանցնի՛ս և գիշեր,
Թռի՛ր, դեպ աստղը ... որ ճանախ կտրիր:
Անշո՛ւշտ կը տեսնես որ հետո օրեր ...

В стихотворении того же автора, как бы продолжающем и дополняющем приведенное, акцентируется необходимость объединения усилий:

Дай руку, брат, в эти черные дни
Вместе устремимся вперед:
Отгнав прочь темные тучи,
Откроем вместе светлый путь.
Տուր ձեռքը, եղբայր, այս և օրերին
Միասին ուժով յառա՛ջ ընթանանք.
Դե՛ն հալածելով անպերը մթին՝
Մայր լուսն ճանախ միասին բանանք՝:

Надо быть сплоченными, стать братьями, этого требуют жалкое, бедственное настоящее и возвышенная цель. В стихотворении "Вперед" (даже название перекликается с одноименным стихотворением Нагсона) звучит то же обращение к измученному брату:

Ты отчаиваешься, измученный мой брат,
В эти трудные дни позорной подлости,
С печатью глубокой скорби на лбу
Проклинаешь день своего рождения ...
Դու վհատու՞մ ես, եղբայր իմ տանջված
Անարգ ստորաբան այս նեղ օրերին.
Խոր վշտի ցուպ ճակտիդ բոլորած
Անեծք ես կարդում քո ծնված օրին ...

В стихотворении акцентируется судьба армян: долгие века тянулось иго ислама, но надо забыть страдания и слезы:

Неустово вперед! Когда
Столько лет мы были под кинжалом врага.

Հառա՛ջ մղեցին ... երբ այլա՛նք դարձր
Դուշմանի արին մենք սիրտ անցինք՝:

На страницах того же журнала в переводе Хагуни¹⁸ появилось стихотворение Нагсона "Вперед":

Вперед, забудь свои страдания,
Не отступай перед грозой,
Борись за дальнее сиянье
Зари, блеснувшей в тьме ночной.

Цитата из этого стихотворения Нагсона приводится и в статье Джагарбегиана о сборнике стихотворений Ал. Цатуряна¹⁹.

Стихотворения, развивающие этот мотив, перекликаются и названиями, и образами. Вот, к примеру, строки из стихотворения Шорлеанца "Другу"²⁰:

Нет, мой милый, ты не отчаивайся,
С усердием берись за дело,
Всегда имей святой девиз -
Бороться, сражаться со злом.
Այ, իմ սիրելի, որ մի վհատիր,
Եղանդուն կերպով քո գործին դիմիր.
Ընդմիջտ ունցիր սուրբ նշանարան
Կովել, մարտեղ ընդդեմ չարութան:

Созвучность поэзии Нагсона обнаруживается и в развитии темы поэта и поэзии. Вообще в армянской литературе налицо пристальный интерес к разворачиванию этой темы в русской литературе, у Пушкина, Лермонтова. В поэзии Нагсона тема поэта-пророка, пророка не состоявшегося - одна из центральных. Вот строки из очень популярного стихотворения Нагсона "Слово", переведенного и на армянский язык²¹:

Мне не дано такого слова ...
Бессилен слабый голос мой,
Моя душа к борьбе готова,
Но нет в ней силы молодой.

И тем не менее пытаться найти это слово - долг поэта. Позиция Нагсона противо-стоит теории чистого искусства. И это настроение было близко армянским поэтам, ко-торые свое слово и дело связывали с состоянием родины. Ханларян, например, утверж-дал:

Замолкни, армянский певец, в эти черные дни
Что ты воспеваешь розу своей глупой лирой,
Взгляни - гнетуще властвует черная скорбь
В нашей разрушенной стране.
Լռիր, հայ երգիչ, մեր և օրերու
Ի՞նչ ես վարդ երգում հիմար բնարով,
Նայիր և սուղ է ճանաչված իշխում
Մեր անքեր երկրում՝:

Лирический герой Ар. Петросяна выбирает тот же путь. Поэт ненавидит и прези-рает толпу. Но гля чего его песнь, если она теряется в эфире:

Давай, оставь, поэт, свою недосыгаемую высоту,
Изведай мучения, кровь и слезы,

Воспой вековую скорбь толпы,
Ее страдания, несчетные бедствия ...
Արհ քոն, երգի՛, քո անհաւ րարձութիւն,
Ճաշակիր տանջանք, արյունն ու արցունք.
Երգիր անբոխի վիշտը դարավոր,
Նրա տառապանք, չարիք ընդհանր՝:

Типологически близкими Надсону считает Ю.Веселовский следующие строки Дурьяна:

Я не о том скорблю... Нет, родине несчастной
Все помыслы мои! О ней моя печаль!
Не в силах ей помочь, томясь тоской напрасной,
Безвестно умереть,- о, как мне жаль, как жаль!..

В развитии темы пророка Веселовский, на мой взгляд, преувеличивает влияние Надсона, хотя отдельные, иногда довольно легко обнаруживаемые аналогии можно проследить. При рассмотрении этого традиционного романтического мотива нельзя не отметить, в первую очередь, типологическую близость Туманяна и Исаакяна к пушкинской и лермонтовской традиции. Нельзя не видеть и исторической почвы этого мотива. Вывод же Веселовского основан на самых общих и приблизительных наблюдениях: "Этот надсоновский мотив (почему не лермонтовский? - Р.Т.)", иногда несколько ослабленный и видоизмененный, разрабатывается во многих стихотворениях современных армянских поэтов вроде Ованнисяна, Цатуряна, Туманяна и др.. Все они обращаются к какому-то воображаемому, идеальному поэту или певцу в надежде услышать от него могучие песни, призыв к обновлению и совершенствованию²⁴. Поэзии Надсона, как утверждает Веселовский, "вообще очень многим обязаны армянские поэты". Если бы этот вывод основывался на рассмотрении творчества второстепенных поэтов, то он не вызвал бы возражений. Но Веселовский имеет в виду в первую очередь крупных представителей армянской поэзии, у которой даже в первых опытах самые разнообразные влияния и импульсы, скрещаясь и пересекаясь, соотносились с собственными творческими интересами. Сам Надсон, как не раз отмечалось в литературоведении, повторял и подчас перепевал Лермонтова. И часто при этом лермонтовские мотивы и образы теряли свою суровость и силу. В армянской поэзии рубежа веков часто наблюдается пересечение лермонтовской и надсоновской традиций. Так, в стихотворении Ов.Малхасяна "Другу" находим надсоновское обращение к другу-брату, сострадание к которому заставляет звучать струны. И в то время образ заржавевшей в бездействии лиры ассоциируется с лермонтовским образом заржавевшего кинжала, оружия поэта²⁵.

В рассматриваемый период переводы из Надсона появляются довольно часто и на страницах периодической печати²⁶, и в отдельных сборниках. Нередки и эпиграфы из Надсона (например к стихотворению Ал. Цатуряна 1893г. и др.). Имя Надсона и цитаты из его стихотворений встречаются в критических статьях. В посвященном Надсону стихотворении Конст. Красильникян пишет о причине горячей любви к непонятному толпой поэту:

Твоя беспощадная, несчастная судьба
Уготовила тебе лишь гонение,
И ты поэт, как истинный солдат,
Борясь до последней минуты,
Защищал всегда благородство и доброту²⁷.

Особо надо отметить, что неоднократно переводили Надсона наши лучшие поэты и переводчики - Цатурян, Иоаннисян, Туманян, Исаакян. Перевод Туманяна рассмотрен в отмеченной выше моей статье "Туманян и Надсон".

Исаакян, вообще мало переводивший, перевел стихотворение Надсона "Над свежей могилой". Это стихотворение написано на внезапную смерть горячо любимой поэтом

Х.М.Дешевовой, которой впоследствии Надсон посвятил свой единственный сборник стихотворений. Это стихотворение Исаакян приводит полностью в письме, адресованном Шушаник Маракян (1893, 28 марта). Несомненно, что это стихотворение выражало душевное состояние армянского поэта. В переводе концовки Исаакян меняет акценты:

Чего мне ждать, к чему мне жить,
К чему бороться и трудиться:
Мне больше некого любить,
Мне больше некому молиться.
Ի՞նչ եմ սպասում, ինչո՞ւ եմ ապրում,
Ինչո՞ւ եմ կռվում, ինչո՞ւ տանջվում -
Մի՞նչդ եմ ոչ քրի եւ էլ չեմ սիրում,
Մի՞նչդ եմ ոչ քրի էլ չեմ աղերսում:

У Надсона - некого любить, некому молиться, потому что любимая умерла. Исаакян акцентирует не повод, не конкретную причину, а чувства, состояние лирического героя - **НИКОГО** не люблю, **НИКОМУ** не молюсь.

В сравнительном литературоведении исследование связей, факты которых не только значительны каждый в отдельности, но и многочисленны, неизбежно подводит к их рассмотрению как образующих определенную систему, требует широких обобщений как в рамках историко-литературного процесса отдельных литератур, так и к установлению связей целых художественных направлений. Исследование восприятия русских романтических традиций в армянской поэзии является одной из составляющих в большой теме типологии романтизма.

ԵԱՆՈՒԳՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

1. См. мою статью "Туманян и Надсон". "Норк", 1998, 2, с. 103-112.
2. Надсон С. Стихотворения, Л., "Сов. пис.", 1958, с. 12 (вступительная статья Г. Бялого).
3. Веселовский Ю. Очерки армянской литературы, истории и культуры, Ереван, 1972, с. 318.
4. "Мурч", 1889, 2, с. 231.
5. Веселовский Ю. Очерки армянской литературы, истории и культуры, с. 158.
6. Там же. с. 212.
7. Там же, с. 309.
8. Там же, с. 318.
9. Там же, с. 311.
10. "Мурч", 1893, 5, с. 739-740.
11. "Мурч", 1898, 9, с. 1239-1240.
12. "Мурч", 1898, 6, с. 829. См. также его стихотворение "Моему другу" - "Мурч", 1899, 10, с. 1200-1201.
13. "Мурч", 1897, 10, с. 1351-1352.
14. "Лума", 1896, кн. А, с. 23-24.
15. "Лума", 1905, 1, с. 39.
16. "Лума", 1896, 3, с. 31.
17. "Лума", 1906, 6, с. 57 (стихотворение Ханларяна).
18. "Лума", 1902, 6, с. 95.
19. "Лума", 1899, кн. Б, с. 284-285.
20. "Лума", 1906, кн. А, с. 28. См. также одноименное ("Другу") стихотворение Кайца - "Лума", 1909, 3, с. 13.
21. "Лума", 1903, 2, (перевод Хадуни).
22. "Лума", 1905, 6-7, с. 57.
23. "Лума", 1909, 2, с. 3.
24. Веселовский Ю., Очерки армянской литературы, истории и культуры, с. 205-206.
25. "Мурч", 1889, 11, с. 1782.
26. См., например: "Лума", 1900, кн. А, с. 232-239 (пер. Ар. Туманян), "Лума", 1902, 6, с. 95 (пер. Хадуни), 1903, 2, с. 65 (пер. Хадуни), "Мурч", 1889, 9, с. 145 (пер. Балутяни), 1894, 9, с. 1243 (пер. А. Акопян), 1897, 2-3, с. 190-196 (пер. Тер-Геворкянц) и др.
27. "Мурч", 1890, 6, с. 827.